

САХАЛИНСКИЙ ШТРИХ К ХАРАКТЕРИСТИКЕ КЕРАМИКИ КАКОРМИНСКОЙ ГРУППЫ СЕВЕРО- ВОСТОЧНОГО ПРИАМУРЬЯ

В.А. Дерюгин

В 2008 г. Сахалинским государственным университетом были проведены охранные раскопки на памятнике Кашкалебагш-5, расположенном на северо-восточном побережье Сахалина. По результатам раскопок была выделена кашкалебагшская археологическая культура. Несмотря на наличие данных радиоуглеродного анализа, данная культура была отнесена к довольно широкому хронологическому диапазону. Считается, что так называемая кашкалебагшская культура представлена поселениями, состоящими из полуподземных жилищ округлой формы и погребения в одном из них. Также существует мнение, что орудийный набор рассматриваемой культуры является типологически выдержанным, а керамические сосуды выполнены в рамках одной гончарной традиции.

В настоящей статье предпринята попытка переосмысления результатов раскопок на поселении Кашкалебагш-5, а именно данных о котловане жилища № 1 и погребении в нём. Были проанализированы данные радиоуглеродного анализа, планиграфия и стратиграфия этих двух объектов, а также часть вещественного материала.

Проведённый анализ археологических данных выявил ряд несоответствий в результатах раскопок, что позволило говорить о разновременности

и разной культурной принадлежности котлована жилища и погребения в нём. Установлено, что жилище было построено в середине XI — начале VIII в. до н.э., а одиночное захоронение в его заброшенном котловане было сделано на более чем 300 лет позднее, в рамках V—IV вв. до н.э.

Временные и культурные различия котлована жилища и захоронения, кроме радиоуглеродного датирования и стратиграфической фиксации, подтверждает и наличие развала сосуда с горизонтальными рядами прямых и волнообразных гребенчатых оттисков, который типологически отличается от выделяемой в кашкалебагшской культуре керамики. Данный развал полностью тождественен сосудам какорминской группы эпохи палеометалла северо-востока Приамурья, бытовавшей в VIII—IV вв. до н.э. Развал сосуда соответствует гончарным традициям урило-польцевского населения Амура и не имеет ничего общего с керамическими комплексами о-вов Сахалина или Хоккайдо.

Ключевые слова: Северо-Восточное Приамурье, Северный Сахалин, эпоха палеометалла, поздний неолит, финальный неолит, период эпидзёмон, какорминская группа керамики, кашкалебагшская культура, погребение, жилище.

Дерюгин Валерий Алексеевич, доктор наук PhD (социально-культурная экология), доцент Департамента истории и археологии Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия.

Deryugin Valery Alekseevich, PhD, Associate Professor of School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

E-mail: deriugin.va@dvfu.ru

Попытка построения предварительной классификации и периодизации керамических комплексов северо-восточного Приамурья эпохи палеометалла (Дерюгин, Лосан 2009) на основе доступных в то время археологических данных оказалась, на наш взгляд, достаточно продуктивной. Она нашла отклик в работах исследователей соответствующего хронологического отрезка доистории (Медведев 2013: 300; Фукуда 2013: 338), а в некоторых случаях и в диаметрально противоположных суждениях (Яншина 2013: 318—330; Шевкомуд 2015: 162—170). Всё это способствует должному развитию дискуссии о путях становления и развития гончарных традиций эпохи палеометалла на юге Дальнего Востока России.

В настоящей работе мы не будем углубляться в сложившуюся дискуссию, позволим себе сделать только дополнение к характеристике одной из групп керамики северо-востока Приамурья эпохи палеометалла. Это связано с сопредельной территорией — с Северным Сахалином, где и были получены дополнительные археологические данные.

Предлагается внимательно рассмотреть результаты раскопок жилища № 1 на поселении Кашкалебагш-5 (побережье залива Пильтун, северо-восток о. Сахалин) (рис. 1), которое исследовалось Сахалинским государственным университетом (СахГУ) в 2008 г. Вся информация о выделении кашкалебагшской археологической культуры, необходимая для анализа, была опубликована сразу в трёх изданиях, статьи практически идентичны по содержанию (Грищенко 2015, 2015а, 2015б). Во избежание путаницы, в дальнейшем при необходимости сноски будут приводиться только по первой из публикаций (Грищенко 2015). Безусловно, вопрос выделения кашкалебагшской культуры достаточно спорный и дискуссионный, но он остаётся за рамками данной работы.

ВОПРОС ХРОНОЛОГИИ

Кашкалебагшская культура выделяется В.А. Грищенко на основе материалов исследований трёх жилищ поселения Кашкалебагш-5 и стоянки Озёрный-8. По мнению исследователя, описываемая «в рамках культурно-исторической общности эпидзёмон» (Грищенко 2015: 126) кашкалебагшская археологическая культура на рассматриваемом поселении прошла два этапа развития. К раннему этапу культуры, в предполагаемых хронологических рамках XI—IX вв. до н.э. (cal.), были отнесены котлованы жилищ № 3 и 6 (Грищенко 2015: 123).

С временным диапазоном следующего этапа, к которому были отнесены и котлован жилища № 1, и захоронение в нём, у В.А. Грищенко возникли определённые затруднения. Исследователь считает, что датирование этих двух объектов «с наибольшим процентом вероятности определяется в интервале V—IV вв. до н.э. (cal.)», при этом «сохраняется вероятность, хотя и меньшая, датировки в хронологическом диапазоне VIII—VII вв. до н.э. (cal.)» (Грищенко 2015: 124).

Сложности в определении датировки котлована жилища № 1 и захоронения автор пытается объяснить использованием при создании постройки биологически старого леса и морского плавника и даже допускает применение конструктивных деталей из более старых жилищ (тогда возраст старых деревянных конструкций должен быть не менее 300 лет. — В.Д.). Всё это только на уровне предположений исследователя. При повторном рассмотрении результатов радиоуглеродного анализа следовало бы оста-

новиться на двух моментах: во-первых, учесть места отбора проб и удостовериться в правильности сопроводительного описания образца; во-вторых, проанализировать хронологическую колонку по всем образцам исследуемого объекта.

Мы не склонны безоговорочно доверять тому, что образцы, взятые из того или иного места в котловане жилища № 1, были правильно документированы во время полевых работ или после таковых. Вопросы в этом отношении уже возникали, в частности по поводу данных радиоуглеродного анализа и других памятников, раскопки которых велись археологическими отрядами СахГУ в ходе новостроечных работ, например, на поселении Лебединый-1 (Василевский, Грищенко 2012: 37, рис. 7). К сожалению, в связи с этим данные радиоуглеродного анализа жилища № 1 поселения Кашкалебагш-5 следует рассматривать без какой-либо привязки конкретного образца угля к его определённому местоположению внутри котлована постройки. Считаем, что в этом случае на достоверность выводов повлиял человеческий фактор.

В результате анализа образцов угля всего было получено 5 датировок (рис. 2), группирующихся в пределах двух хронологических отрезков, существование которых признаётся и самим В.А. Грищенко. Три датировки лежат в хронологическом диапазоне V—IV вв. до н.э. (cal.): это образцы

Рис. 1. Памятники с керамикой какорминской группы (по: Грищенко 2015; Дерюгин, Лосан 2009; Яншина 2013)

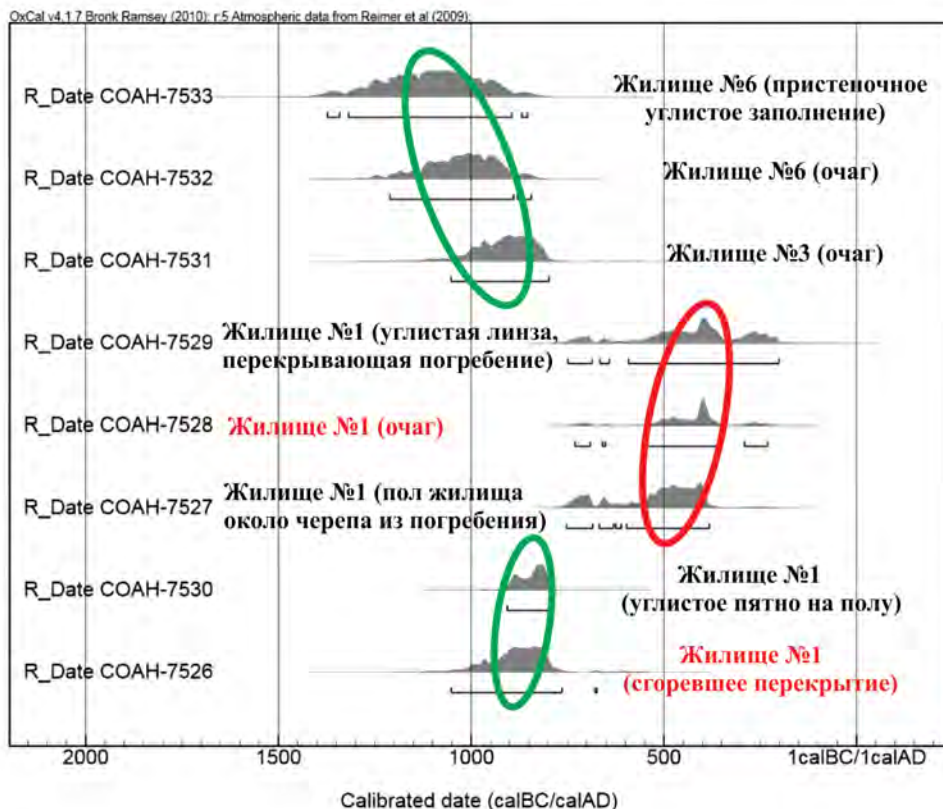

Рис. 2. Две группы радиоуглеродных дат на памятнике Кашкалебагш-5 (по Грищенко 2015)

с идентификационными номерами СОАН-7527, СОАН-7528, СОАН-7529. Две другие датировки (идентификационные номера образцов — СОАН-7526, СОАН-7530) находятся в пределах хронологических рамок середины XI — начала VIII в. до н.э. (cal.), что очень хорошо согласуется со временем существования котлованов жилищ № 3 и 6 на этом же поселении.

Отметим, что возможный человеческий фактор, повлиявший на выводы В.А. Грищенко, мог присутствовать только в одном случае неправильного документирования образцов угля, взятых для анализа на датирование. Если два образца СОАН-7528 (очаг) и СОАН-7526 («сгоревшее перекрытие») поменять местами, то всё приходит в полное соответствие должному положению хронологии формирования археологических объектов при согласии, что так называемое сгоревшее перекрытие жилища относится к деталям погребения (рис. 2). Однако одновременность котлована и погребения в нём категорически отрицается руководителем раскопок (Грищенко 2015: 108).

ВОПРОС «IN SITU»

В котловане жилища № 1 других объектов, к которым могла бы относиться одна из хронологических групп радиоуглеродных дат, кроме захоронения не фиксируется. По мнению В.А. Грищенко, данное захоронение также относится к кашкалебагшской культуре. Очень показательным является его утверждение, что «наблюдения по ходу раскопок за стратигра-

фической ситуацией показывают отсутствие в изученных объектах поселения следов позднейшего проникновения и перекопов» (Грищенко 2015: 108). О планиграфических наблюдениях в процессе раскопок в статьях нигде не упоминается. При этом основным аргументом относительно отсутствия поздних проникновений в котлованы жилищ кашкалебагшской культуры «являются обнаруженные развалы археологически целых сосудов» (Грищенко 2015: 125), которые как раз, по нашему мнению, и не являются типологически сопоставимыми между собою.

В первую очередь при описании захоронения внутри котлована жилища № 1 в глаза опять сразу бросается множество вероятностных допущений при интерпретации планиграфической и стратиграфической ситуации. При этом само захоронение, по словам исследователя, было обнаружено лишь при зачистке пола жилища (Грищенко 2015: 113). Однако если посмотреть иллюстративный материал даже не полевого отчёта, а только рассматриваемых статей, то на стратиграфических разрезах контрольной бровки (Грищенко 2015: 106, рис. 3, 113, рис. 11) чётко фиксируется надмогильное проседание грунта захоронения на уровне примерно 25—35 см выше пола котлована жилища № 1 (рис. 3). По нашему мнению, при раскопках планиграфически было упущено могильное пятно, возможно, принятое за следы сгоревшего перекрытия котлована данной постройки.

Исходя из материалов, опубликованных В.А. Грищенко, можно говорить о том, что захоронение было сделано уже после разрушения жилища и относится к «позднему этапу», а сама постройка — к «раннему этапу»

уровень впуска захоронения в котловане жилища

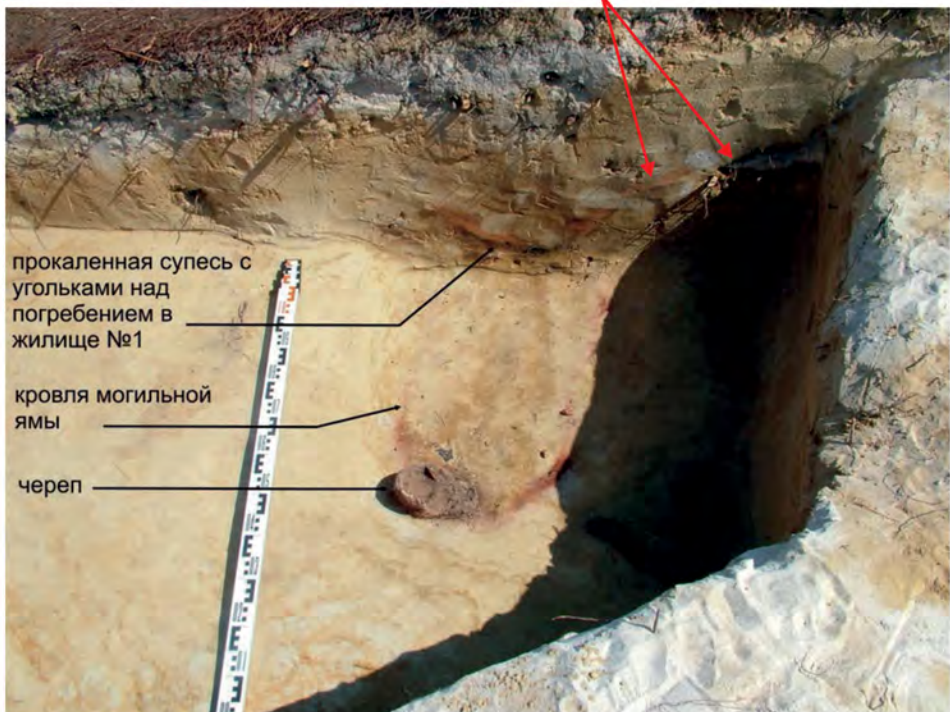

Рис. 3. Фиксация проседания грунта погребения по контрольной бровке (по: Грищенко 2015)

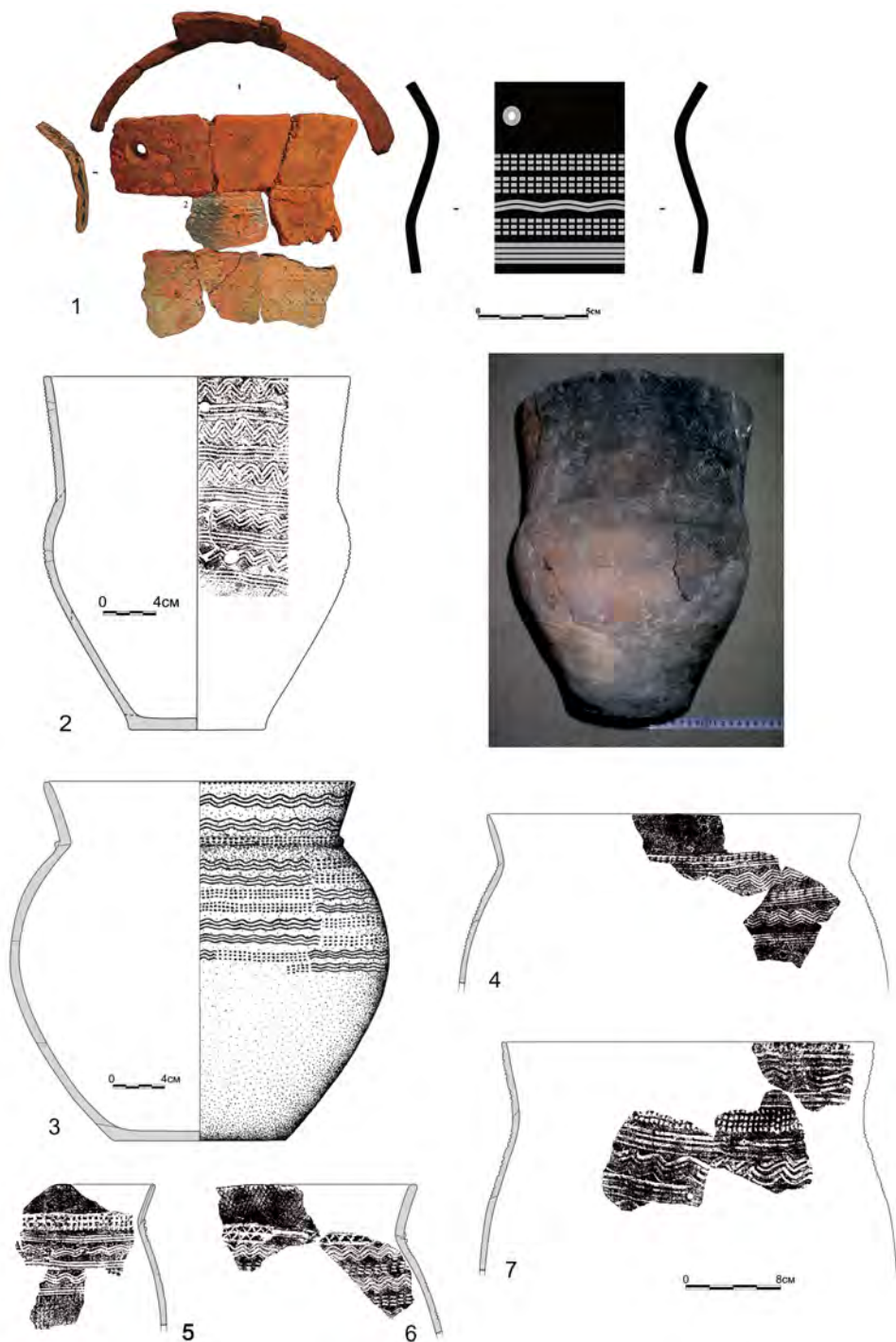

Рис. 4. Керамика какорминской группы из котлована жилища № 1 поселения Кашкалебагш-5 на Северном Сахалине (1) и поселений Старая Какорма (2), Змейка-2 (3), Змейка-1 (4—7) на Амуре (по: Грищенко 2015; Дерюгин, Лосан 2009)

согласно радиоуглеродному датированию. Фиксируемый стратиграфически хронологический разрыв между жилищем и захоронением выглядит вполне достоверным с учётом интенсивности эоловых процессов на Северном Сахалине.

ВОПРОС ТИПОЛОГИИ КЕРАМИКИ

Третьей составляющей, которая свидетельствует в пользу разновременности котлована жилища № 1 и захоронения, является типологическое различие среди керамических сосудов. В описании керамики, найденной в котловане жилища № 1, заметно, во-первых, наличие двух различных по описанию гончарных традиций, а во-вторых, возможность существования множества вероятностных допущений в интерпретации материала исследователем.

Согласно описанию в котловане жилища № 1 основной керамический материал «представлен фрагментами плоскодонных, тонкостенных сосудов. Керамическое тесто с добавлением минерального отощителя, обжиг низкотемпературный, цвет черепка коричнево-жёлтый. Орнаментация сосудов минимальная, основной приём: ряд сквозных проколов под венчиком, менее частый приём — шнуровые отпечатки» (Грищенко 2015: 111).

При этом самим исследователем отмечается, что «исключением из вышеописанного комплекса выглядят фрагменты сосуда, украшенного рядами гребенчатых оттисков и прочерченных линий — прямых и волнистых (рис. 4: 1). Цвет данного изделия кирпично-оранжевый, обжиг низкотемпературный (в изломе черепка видна полоса «недожога»). Данное изделие своей профилированной формой с отогнутым венчиком, цветом черепка, характером и содержанием орнаментальной композиции отличается от общего керамического комплекса» (Грищенко 2015: 111). Приводимые исследователем интерпретации указанных различий остаются за пределами возможностей нашего понимания.

Для нас однозначным является тот факт, что развал сосуда с гребенчатой орнаментацией в виде горизонтальных волнистых линий и простых оттисков гребенчатого орудия имеет прямые аналоги среди керамических комплексов, входящих в какорминскую группу приустьевой части Амура (рис. 4: 2—7). Основной ареал данной группы расположен примерно в 120 км от поселения Кашкалебагш-5, что по дальневосточным меркам (основной путь передвижения — водная поверхность) является не очень существенным расстоянием. Данный развал сосуда полностью соответствует керамическим традициям урило-польцевского населения Амура и не имеет ничего общего с предшествующими или одновременными гончарными традициями Сахалина или Хоккайдо.

Укажем, что мы не одиноки в своей оценке результатов раскопок котлована жилища № 1 поселения Кашкалебагш-5. В одной из своих работ М. Фукуда отметил, что выбивающийся из общего типологического ряда гончарной традиции заявленной новой кашкалебагшской археологической культуры, сосуд с гребенчатыми оттисками и волнообразными прочёсами из жилища № 1 «близок к керамике урильского типа Нижнего Амура» (Фукуда 2015: 19). Иными словами, японский исследователь не рассматривает данный сосуд в рамках кашкалебагшской культуры. Хотя при этом, следуя за рассуждениями В.А. Грищенко, признаёт одновременность котлована жилища и погребения в нём с датированием по SOAN-7529 —

2330±70 л.н. (Фукуда 2015: 19), ориентируясь на образец, имеющий наиболее продолжительный по корреляции временной промежуток «позднего этапа» кашкалебагшской культуры.

Также отметим, что М. Фукуда, кратко излагая результаты раскопок на поселении Кашкалебагш-5, делает к ним примечание. В нём он отмечает, что о результатах полевых работ подробно беседовал лично с В.А. Грищенко, получил пояснения от А.А. Василевского и японского участника Т. Сасакида (Фукуда 2015: 28). Данное примечание можно толковать только как полное отсутствие у автора уверенности в достоверности приводимых сведений о результатах раскопок на поселении Кашкалебагш-5.

ОБСУЖДЕНИЕ

Проанализировав результаты полевых исследований на основе приведённых в статье В.А. Грищенко (Грищенко 2015) данных, мы можем представить следующий вариант хронологических, типологических и других реконструкций, связанных с котлованом жилища № 1 и захоронением в нём на поселении Кашкалебагш-5.

После прекращения использования людьми жилища № 1, относимого к кашкалебагшской культуре в хронологическом диапазоне XI—VIII вв. до н.э. (cal.), в откосе культурных отложений и заноса сыпучим материалом его котлована было произведено одиночное захоронение, датированное V—IV вв. до н.э. (cal.). Хронологический разрыв между периодом использования жилища и временем проведения погребального обряда составляет около 300 лет, что вполне соответствует, по собственным наблюдениям автора, антропогенным и эоловым процессам на Северном Сахалине.

Несомненно, котлован жилища № 1 относится к так называемой кашкалебагшской культуре. Для нас важен сам факт наличия более позднего, имеющего достаточный временной разрыв захоронения, которое и по хронологии, и по сопровождающему тризну инвентарю полностью соответствует материалам какорминской группы керамической традиции устьевой зоны Амура.

Имеется много вопросов, связанных с конструктивными особенностями погребального сооружения. Можно констатировать только следующие факты. Глубина захоронения составляла около 35—45 см, приблизительно на 20 см прорезая пол более раннего жилища. Могильная яма расположена по оси северо-восток — юго-запад, длина её по дну — около 0,9 м, ширина — около 0,45 м. Погребённый находился в скорченном положении, головой на юго-запад.

Относительно кремации покойного или иного воздействия огня на погребение остаётся много вопросов к руководителю раскопок. Описательная часть и интерпретации ситуации с черепом мужчины (Грищенко 2015: 115) также оставляют желать наилучшего.

Точное содержание погребального инвентаря захоронения по результатам раскопок трудно установить в связи с хаотичным описанием стратиграфии и планиграфии находок, связанным с упущением планиграфического проявления могильного пятна. Из имеющегося в описании материала к внутримогильному инвентарю с большой долей вероятности относятся ретушированные наконечники стрел, которые не могут иметь определённой культурно-хронологической привязки.

Тризна, судя по опубликованным данным, осуществлялась в стороне от погребения, ближе к центру западины котлована жилища и представлена единичным развалом сосуда с гребенчатой орнаментацией. По-видимому, при выборе места проведения обряда поминания усопшего учитывалась рельефная составляющая: была найдена наиболее глубокая точка котлована заброшенного жилища. Практичность такого места для тризны обусловлена периодическими сильными ветрами на побережье северо-восточного Сахалина, а также наименьшей вероятностью быть обнаруженными при осуществлении каких-либо «враждебных» действий на чужой территории.

Найденный керамический сосуд в виде развала, бесспорно, относится к керамике какоринской группы, в которой соединяются элементы гончарства как урильской, так и польцевской культур. По утверждениям О.В. Яншиной, которые мы полностью поддерживаем, «одной из наиболее ярких и специфических характеристик керамической посуды урило-польцевских комплексов является широкое использование в орнаменте мотива волны» (Яншина 2013: 329), при этом волнообразные гребенчатые прочёсы заключены между горизонтальными поясами оттисков гребёнки или прочерченных горизонтальных линий (Яншина 2013: 310).

Среди хронологически сопоставимых керамических комплексов Сахалина такой принцип орнаментации сосудов отсутствует. На ближайшем к Сахалину о-ве Хоккайдо (Япония), некоторые, несколько отдалённые аналогии можно видеть только в ряде керамических изделий с юго-запада острова, относимых к культуре эсан (Сато 2003: 367—382). Эти сосуды периода эпидзёмон по своему происхождению связаны с гончарными традициями культуры яёй, существовавшей на северо-востоке Японского архипелага, и с культурами финального дзёмона.

В силу того, что описание захоронения изобилует многочисленными упущениями, совершёнными при его вскрытии, и оно пока является единичным, на данный момент не представляется возможным провести какое-либо достоверное сравнение с хронологически близкими материалами амурских (Дерюгин 1998; Копытько 1988; Копытько, Киселёв 2017; Бочкарёва и др. 2006; Шевкомуд и др. 2017) или хоккайдских (Аоно 2010: 105—119) могильников. Предварительно можно говорить только о том, что захоронение на поселении Кашкалебагш-5 не соответствует погребальным традициям на р. Амур, несмотря на наличие сосуда, выполненного в урило-польцевской гончарной традиции, которая существовала на материке.

Временной отрезок, в пределах которого могло быть произведено захоронение на поселении Кашкалебагш-5 (V—IV вв. до н. э.), совпадает с хронологическим периодом существования на Северном Сахалине памятников с керамикой тымского типа, бытовавшей в конце VIII—IV вв. до н.э. (Дерюгин 2015: 265). Юг острова примерно в этот же период (VIII—III вв. до н.э.) считался ареалом распространения анивской культуры (Высоков и др. 2008: 177).

Памятники же с керамикой какорминской группы северо-востока Приамурья, к которой относится и развал сосуда погребения в котловане жилища на северо-востоке Сахалина, хронологически находятся в пределах VIII—IV вв. до н.э. (Яншина 2013: 325). Очевидно, что радиоуглеродные

Таблица 1

Радиоуглеродные даты Приамурья и Сахалина,
соотносимые с керамикой какорминской группы

№ пп	Памятник, материал	Шифр образца	Первичная датировка (л.н.)	Калиброванная календарная дата (до н.э.)
1	Аэропорт поселение. Нагар.	Beta-6636	2670±	902—794
2	Змейка-1 поселение. Древесный уголь.	СОАН-5162	2545±	801—729
3	Нижнетамбовское-1 поселение. Древесный уголь.	СОАН-6301	2540±	812—413
4	Максим Горький поселение. Древесный уголь.	КИ-3749	2540±	808—510
5	Нижнетамбовское-1 поселение. Древесный уголь.	СОАН-6302	2510±	831—395
6	Нижнетамбовский могильник. Древесный уголь.	СОАН-6303	2505±	795—478
7	Максим Горький поселение. Древесный уголь.	КИ-3748	2490±	776— 508
8	Нижнетамбовский могильник. Древесный уголь.	СОАН-6304	2480±	815—387
9	Змейка-1 поселение. Древесный уголь.	СОАН-5164	2420±	595—399
10	Нижнетамбовский могильник. Древесный уголь.	СОАН-6305	2430±	798—369
11	Аэропорт поселение. Древесный уголь.	СОАН-5158	2345±	419—380
12	Кашкалебагш-5 поселение. Древесный уголь.	СОАН-7527	2385±	753—383
13	Кашкалебагш-5 поселение. Древесный уголь.	СОАН-7528	2340±	731—231
14	Кашкалебагш-5 поселение. Древесный уголь.	СОАН-7529	2330±	750—202
15	Аэропорт поселение. Древесный уголь.	СОАН-5157	2295±	571—155

Сост. по: [Яншина 2013, табл. 2; Грищенко 2015б, табл. 20].

даты погребения с поселения Кашкалебагш-5 входят в один ряд с данными о керамике какорминской группы (табл. 1).

Причины, по которым в котловане брошенного жилища на поселении Кашкалебагш-5 было произведено одиночное захоронение человека с Амура, на сегодняшний день остаются загадкой. Отметим, что в эпоху палеометалла между материковыми и островными археологическими культурами существовала некоторая обособленность, вызванная, возможно, этнической неоднородностью населения этих двух территорий. При этом

все имеющиеся на сегодняшний день малочисленные свидетельства проникновения на Сахалин материкового населения в эпоху палеометалла (Дерюгин 2010: 255) относятся к более позднему, чем захоронение на поселении Кашкалебагш-5, времени.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, благодаря полученным результатам новостроечных раскопок СахГУ в 2008 г. на поселении Кашкалебагш-5 (северо-восток Сахалина) предложенные нами классификационные и хронологические построения в отношении керамических комплексов эпохи палеометалла северо-восточного Приамурья в части какорминской группы керамики полностью подтверждаются независимыми исследованиями.

Впервые однозначно фиксируется археологический объект начала второй половины I тыс. до н.э., относимый к погребальному обряду амурского населения на островной территории. При этом расширяется ареал гончарной традиции керамики какорминской группы. Проникновение на остров амурского населения имело, по-видимому, очень кратковременный характер. Вопросы о причинах возникновения одиночного погребения на поселении Кашкалебагш-5, содержащего выполненные в амурской урило-польцевской гончарной традиции керамические изделия, остаются не решёнными.

В заключение хотелось бы выразить глубочайшую признательность О.В. Яншиной, Гэн Савай, Масахиро Фукуда, В.А. Грищенко, Томохиро Сасакида за интересные и полезные дискуссии во время подготовки данной статьи.

ЛИТЕРАТУРА

- Бочкарёва Е.А., Косицына С.Ф., Шевкомуд И.Я. 2006. Нижнетамбовский могильник — первые исследования. *Пятые Гродековские чтения: матер. Межрегион. науч.-практ. конф. «Амур — дорога тысячелетий»*. Ч. 1. Хабаровск: ХККМ, 138—147.
- Василевский А.А., Грищенко В.А. 2012. Сахалин и Курильские острова в эпоху палеометалла (I тыс. до н.э. — первая половина I тыс. н.э.). *Учёные записки Сахалинского государственного университета*. Вып. IX, 29—41.
- Высоков М.С., Василевский А.А., Костанов А.И., Ищенко М.И. 2008. *История Сахалина и Курильских островов с древнейших времен до начала XXI столетия*. Южно-Сахалинск: Сахалинское кн. изд-во.
- Грищенко В.А. 2015. Кашкалебагшская культура финального неолита острова Сахалин (к вопросу о сосуществовании традиций эпох камня и палеометалла в I тыс. до н.э. в островном мире Дальнего Востока). *Первобытная археология Дальнего Востока России и смежных территорий Восточной Азии: современное состояние и перспективы развития: материалы ре- гион. науч. конф. (Владивосток, 18—20 ноября 2013 г.)*. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 103—129.
- Грищенко В.А. 2015а. Кашкалебагшская культура финального неолита острова Сахалин (к вопросу о сосуществовании традиций эпох камня и палеометалла в I тыс. до н.э. в островном мире Дальнего Востока). *Учёные записки Сахалинского государственного университета*. № 1 (11—12), 117—131.
- Дерюгин В.А. 1998. Предварительные результаты исследования грунтового могильника Быстрая-2. *Археология и этнология Дальнего Востока и Центральной Азии*. Владивосток: ДВО РАН, 85—91.
- Дерюгин В.А. 2010. Керамика тымского типа и вопросы классификации, периодизации керамических комплексов эпохи палеометалла Сахалина. *Приоткрывая завесу тысячелетий: к 80-летию Жанны Васильевны Андреевой: сб. науч. тр.* Владивосток: ООО «Рея», 246—258.
- Дерюгин В.А. 2015. Ясное-8 — памятник эпохи палеометалла Центрального Сахалина. *Первобытная археология Дальнего Востока России и смежных территорий Восточной Азии: современное состояние*

- и перспективы развития*: материалы регион. науч. конф. (Владивосток, 18—20 ноября 2013 г.). Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 256—267.
- Дерюгин В.А., Лосан Е.М. 2009. Проблемы классификации, периодизации керамики эпохи палеометалла северо-восточного Приамурья. *Культурная хронология и другие проблемы в исследованиях древностей Востока Азии*. Хабаровск: Хабаров. краевед. музей, 47—73.
- Копытько В.Н. 1988. Петропавловка — могильник раннего железного века (польцевская культура). *Новейшие исследования памятников первобытной эпохи на юге Дальнего Востока СССР*. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 3—7.
- Копытько В.Н., Киселёв С.А. 2017. Петропавловка: многослойный памятник на Амуре (результаты исследования). *Археология CIRCUM-PACIFIC: памяти Игоря Яковлевича Шевкомуда*: сб. ст. Владивосток: Тихоокеанское изд-во «Рубеж», 121—130.
- Медведев В.Е. 2013. Об исследовании польцевской культуры в Приамурье. *Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии. К 70-летию академика А.П. Деревянко*. Новосибирск: ИАиЭ СО РАН, 298—308.
- Фукуда Масахиро. 2013. Хронология памятников эпохи палеометалла на северо-востоке Нижнего Амура (комментарий к статье О.В. Яншиной). *Российский археологический ежегодник*. № 3, 337—340.
- Шевкомуд И.Я. 2015. Неолит — палеометалл в Нижнем Приамурье — концепция палеоэтнокультурного развития. *Первобытная археология Дальнего Востока России и смежных территорий Восточной Азии: современное состояние и перспективы развития*: материалы регион. науч. конф. (Владивосток, 18—20 ноября 2013 г.). Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 140—176.
- Шевкомуд И.Я., Шаповалова Е.А., Косицына С.Ф. 2017. Нижнетамбовский могильник (раскоп 2007 г.). *Археология CIRCUM-PACIFIC: памяти Игоря Яковлевича Шевкомуда*: сб. ст. Владивосток: Тихоокеанское изд-во «Рубеж», 278—297.
- Яншина О.В. 2013. Эпоха палеометалла в Приамурье: проблемы и перспективы исследований. *Российский археологический ежегодник*. № 3, 289—337.
- Аоно Томоя. 2010. Социальные функции погребений и их изменения с конца позднего дзёмона до первой половины периода эпидзёмона: анализ с упором на изучение надмогильных конструкций. *Хоккайдо: ко:когаку (Археология Хоккайдо)*. № 46, 105—119. (青野友哉 「縄文後期末から続縄文前半期における墓の社会的機能とその変化: 墓の上部構造を中心とした分析」 『北海道考古学』).
- Грищенко В.А. 2015б. Кашкалебагшская культура на Северном Сахалине как часть культур эпидзёмона (относительно сосуществования традиций эпох камня и палеометалла в I тыс. до н.э. в островном мире Дальнего Востока). Пер. на яп. Масахиро Фукуда. *Нихон рэтто: хокухэники ни окэру синсэкки/дзё:монка но пуросэсу ни кан-суру ко:когакутэки кэнкю: Ю:бэцуитикава исэки но кэнкю: (Археологическое исследование процесса неолитизации / дзёмонизации в северном пограничном регионе Японского архипелага: исследования стоянки Юбецу-Итикава)*. Касива-Китами: Department of Socio-Cultural Environmental Studies, Graduate School of Frontier Sciences & Tokoro Research Laboratory, Graduate School of Humanities and Sociology, University of Tokyo, 169—184. (続縄文文化の一部としての北サハリンのカシカレバグシ文化 —紀元前1千年紀の極東島嶼世界における石器時代系統と古金属器時代系統の共存について—).
- Саго Юкио. 2003. Очерк о формировании «керамики типа эсан» и «культуры эсан». *Рицумэйкан дайгаку ко:когаку ронсю: (Археологический журнал университета Рицумэйкан)*. № 3 (1), 367—382. (佐藤由紀夫 「『恵山式土器』 『恵山文化』 の成立に係わる一試論」 『立命館大学考古学論集』).
- Фукуда Масахиро. 2015. История адаптаций мигрантов умеренных широт в северных областях Японского архипелага в голоцене (культуры дзёмона Хоккайдо и «сахалинский путь»). *Пересмотр «Сахалинского и Курильского маршрутов» в качестве доисторических культурных коридоров*. Саппоро: Университет Хоккайдо, 3—33. (福田正宏 「完新世日本列島北辺域における温帯性定着民の寒冷地適応史—北海道の縄文文化と「サハリン・ルート」—」 『「サハリン・千島ルート」再考』).

THE SAKHALIN TOUCH TO THE KAKORMA GROUP CERAMICS CHARACTERISTICS IN NORTHEASTERN PRIAMURYE

V.A. Deryugin

In 2008, Sakhalin State University carried out excavations at the Kashkalebag-5 site located on the northeast coast of Sakhalin. Based on those excavations the Kashkalebagsh archaeological culture had been allocated. Despite the availability of radiocarbon analysis data, this culture was dated within a rather wide timeframe spanning through the Late Neolithic, Final Neolithic, and the Epi-Jomon period.

Researchers believed that the so-called Kashkalebagsh culture represented by settlements from semi-underground circular dwellings and a burial in one of them. In addition, they pointed out that tool assemblages are typologically uniform complexes, and ceramic vessels are made in a consistent pottery tradition.

This article attempts to rethink the results of excavations on the Kashkalebagsh-5 site, namely the published data on the pit-house No.1 and the burial. We have analyzed the data from radiocarbon analysis, planigraphy and stratigraphy of these two objects, as well as part of the artifacts.

The repeat study of excavation materials revealed a number of inconsistencies that permitted to pronounce differences in chronology and cultural attribution of the semi-underground dwelling and the burial within. The bearers of the Kashkalebagsh culture had built the dwelling in the timeframe from the middle of 11th century to the beginning of 8th century BC. The solitary burial in the abandoned semi-subterranean dwelling came to being more than 300 years later, in the time limits of 5-4th centuries BC.

The presence of inscribed vessel fragments typologically different from the main body of attributed to Kashkalebagsh culture ceramics also confirms the temporal and cultural differences between the semi-subterranean dwelling and the burial, in addition to radiocarbon dating and stratigraphy. The vessel with horizontal rows of straight and wavy lines is identical to ceramics from the Kakorma group of the Paleometal Age in North-Eastern Priamurye, which existed in the 8-4 centuries BC. This vessel is fully consistent with the pottery traditions of the Uril-Pol'tse population of Amur region and has nothing to do with ceramic complexes of Sakhalin or Hokkaido.

For the first time on Sakhalin, the archaeological site that dates from the beginning of second half of 1st millennium BC yielded a uniquely recorded object associated with the Amur population. Until now, a vague evidence of the mainland population reaching out to Sakhalin in the Paleometal Age has been dated to a later time than the burial in the Kashkalebag-5 site.

Key words: North-Eastern Priamurye, North Sakhalin, Paleometal Age, Late Neolithic, Final Neolithic, Epi-Jomon period, ceramics of Kakorma group, Kashkalebagsh culture, burial, semi-subterranean dwelling.

REFERENCES

- Bochkareva E.A., Kositsyna S.F., Shevkomud I.Ya. 2006. Nizhnetambovskiy mogil'nik — pervye issledovaniya [Niznyaya Tambovka Burial Ground — the First Studies]. *Pyatytye Grodekovskiyey chteniya: mater. Mezhhregion. nauch-prakt. konf. "Amur — doroga tysyacheletiy"* [Fifth Grodekov readings: "Amur — the road of millennia"]. Part 1. Khabarovsk: KhKKM, 138—147.
- Vasilevskiy A.A., Grishchenko V.A. 2012. Sakhalin i Kuril'skie ostrova v epokhu paleometalla (I tys. do n.e. — pervaya polovina I tys. n.e.) [Sakhalin and the Kuril Islands in the Paleometal Age (I Millennium BC — the

- First Half of I Millennium BC)]. *Uchenye zapiski Sakhalinskogo gosudarstvennogo universiteta*. Iss. 9, 29—41.
- Vysokov M.S., Vasilevskiy A.A., Kostanov A.I., Ishchenko M.I. 2008. *Istoriya Sakhalina i Kuril'skikh ostrovov s d revneyshikh vremen do nachala XXI stoletiya* [History of Sakhalin and the Kuril Islands from Ancient Times to the Beginning of the 21st Century]. Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhalinskoe kn. izd-vo.
- Grishchenko V.A. 2015. Kashkalebaghskaya kul'tura final'nogo neolita ostrova Sakhalin (k voprosu o sosushchestvovanii traditsiy epokh kamnya i paleometalla v I tys. do n.e. v ostrovnom mire Dal'negu Vostoka) [Kashkalebagh Culture of the Final Neolithic of Sakhalin Island (on the Question of the Co-existence of the Traditions of the Epochs of Stone and Paleometal in the 1st Millennium BC in the Island World of the Far East)]. *Pervobytnaya arkhologiya Dal'negu Vostoka Rossii i smezhnykh territoriy Vostochnoy Azii: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya: materialy region. nauch. konf. (Vladivostok, 18—20 noyabrya 2013 g.)* [Primitive Archeology of the Far East of Russia and Related Territories of East Asia: Current Status and Development Prospects: Materials of a Regional Scientific Conference (Vladivostok, November 18—20, 2013)]. Vladivostok: IHAЕ DVO RAN, 103—129.
- Grishchenko V.A. 2015a. Kashkalebaghskaya kul'tura final'nogo neolita ostrova Sakhalin (k voprosu o sosushchestvovanii traditsiy epokh kamnya i paleometalla v I tys. do n.e. v ostrovnom mire Dal'negu Vostoka) [Kashkalebagh Culture of the Final Neolithic of Sakhalin Island (on the Question of the Co-existence of the Traditions of the Epochs of Stone and Paleometal in the 1st Millennium BC in the Island World of the Far East)]. *Uchenye zapiski Sakhalinskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 1 (11—12), 117—131.
- Deryugin V.A. 1998. Predvaritel'nye rezultaty issledovaniya gruntovogo mogil'nika Bystraya-2 [Preliminary Results of the Study of the Burial Ground Bystraya-2]. *Arkheologiya i etnologiya Dal'negu Vostoka i Tsentral'noy Azii* [Archeology and Ethnology of the Far East and Central Asia]. Vladivostok: DVO RAN, 85—91.
- Deryugin V.A. 2010. Keramika tymского типа i voprosy klassifikatsii, periodizatsii keramicheskikh kompleksov epokhi paleometalla Sakhalina [Tym Type Ceramics and Issues of Classification, Periodization of Ceramic complexes of the Sakhalin Paleometal Era]. *Priotkryvaya zavesu tysyacheletiy: k 80-letiyu Zhanny Vasil'yevny Andreyevoy*: sb. nauch. tr. [Opening the Veil of Millennia: to the 80th Anniversary of Zhanna Vasilievna Andreeva. Collection of Works]. Vladivostok: OOO "Reya", 246—258.
- Deryugin V.A. 2015. Yasnoe-8 — pamyatnik epokhi paleometalla Tsentral'nogo Sakhalina [Yasnoe-8 — Site of the Paleometal Age of Central Sakhalin]. *Pervobytnaya arkhologiya Dal'negu Vostoka Rossii i smezhnykh territoriy Vostochnoy Azii: sovremennoe sostoyaniye i perspektivy razvitiya: materialy region. nauch. konf. (Vladivostok, 18—20 noyabrya 2013 g.)* [Primitive Archeology of the Far East of Russia and Related Territories of East Asia: Current Status and Development Prospects: Materials of a Regional Scientific Conference (Vladivostok, November 18—20, 2013)]. Vladivostok: IHAЕ DVO RAN, 256—267.
- Deryugin V.A., Losan E.M. 2009. Problemy klassifikatsii, periodizatsii keramiki epokhi paleometalla severo-vostochnogo Priamur'ya [Problems of Classification, Periodization of Ceramics of the Paleometal Age of the North-eastern Amur Region]. *Kul'turnaya khronologiya i drugie problemy v issledovaniyakh drevnostey Vostoka Azii* [Cultural Chronology and Other Problems in the Research of Antiquities of the East of Asia]. Khabarovsk: Khabarov. kraeved. Muzei, 47—73.
- Kopyt'ko V.N. 1988. Petropavlovka — mogil'nik rannego zheleznoyu veka (pol'tsevsckaya kul'tura) [Petropavlovka — Burial Ground of the Early Iron Age (Poltse Culture)]. *Noveyshie issledovaniya pamyatnikov pervobytnoy epokhi na yuge Dal'negu Vostoka SSSR* [Latest Research on the Sites of the Primitive Era in the South of the Far East of the USSR]. Vladivostok: IHAЕ DVO RAN, 3—7.
- Kopyt'ko V.N., Kiselev S.A. 2017. Petropavlovka: mnogosloynnyy pamyatnik na Amure (rezul'taty issledovaniya) [Petropavlovka: Multi-layered Site on the Amur (Research Results)]. *Arkheologiya CIRCUM-PACIFIC: pamyati Igorya Yakovlevicha Shevkomuda*: sb. st. [Archeology CIRCUM-PACIFIC: in Memory of Igor Yakovlevich Shevkomud. Collection of Works]. Vladivostok: Tikhookeanskoe izd-vo "Rubez", 121—130.
- Medvedev V.E. 2013. Ob issledovanii pol'tsevskoy kul'tury v Priamur'e [On the Study of Poltse Culture in the Amur Region]. *Fundamental'nye problemy arkhologii, antropologii i etnografii Evrazii. K 70-letiyu akademika A.P. Derevyanko* [Fundamental Problems of Archaeology, Anthropology and Ethnography of Eurasia. To the 70th Anniversary of Academician A.P. Derevyanko]. Novosibirsk: IAЕ SO RAN, 298—308.
- Fukuda Masahiro. 2013. Khronologiya pamyatnikov epokhi paleometalla na severo-

- vostoke Nizhnego Amura (kommentariy k stat'e O.V. Yanshinoy) [Chronology of Sites of the Paleometal Age in the Northeast of the Lower Amur (Commentary on the Article by O.V. Yanshina)]. *Rossiyskiy arkhologicheskiy ezhegodnik*. № 3, 337—340.
- Shevkomud I.Ya. 2015. Neolit — paleometall v Nizhnem Priamur'e — kontseptsiya paleoetnokul'turnogo razvitiya [Neolithic — a Paleometal in the Lower Amur Region — the Concept of Paleoethnocultural Development]. *Pervobytnaya arkhologiya Dal'nego Vostoka Rossii i smezhnykh territoriy Vostochnoy Azii: sovremennoye sostoyaniye i perspektivy razvitiya: materialy region. nauch. konf.* (Vladivostok, 18—20 noyabrya 2013 g.) [Primitive Archeology of the Far East of Russia and Related Territories of East Asia: Current Status and Development Prospects: Materials of a Regional Scientific Conference (Vladivostok, November 18—20, 2013)]. Vladivostok: IAE DVO RAN, 140—176.
- Shevkomud I.Ya., Shapovalova E.A., Kositsyna S.F. 2017. Nizhnetambovskiy mogil'nik (raskop 2007 g.) [Niznyaya Tambovka Burial Ground (Excavation 2007)]. *Arkhologiya CIRCUM-PACIFIC: pamyati Igorya Yakovlevicha Shevkomuda*: sb. st. [Archeology CIRCUM-PACIFIC: in Memory of Igor Yakovlevich Shevkomud. Collection of Works]. Vladivostok: Tikhookeanskoe izd-vo "Rubez", 278—297.
- Yanshina O.V. 2013. Epokha paleometalla v Priamur'e: problemy i perspektivy issledovaniy [Paleometal age in the Amur Region: Problems and Prospects of Research]. *Rossiyskiy arkhologicheskiy ezhegodnik*. № 3, 289—337.
- Aono Tomoya. 2010. Jōmon gokimatsu kara zokujōmon zenpanki ni okeru haka no shakaiteki kinō to sono henka: Haka no jōbu kōzō o chūshin to shita bunseki [Social Functions and Changes of Burial from the End of the Late Jomon Period to the Beginning of the Second Half of the Jomon Period: An Analysis Focusing on the Upper Structure of the Burial]. *Hokkaidō kōkogaku* [Hokkaido Archeology]. № 46, 105—119.
- Grishenko V.A. 2015b. Zokujōmonbunka no ichibu toshite no kita Saharin no Rashikarebagushi bunka: Kigenzen 1 sennenki no Kyokutō tōsho sekai ni okeru sekki jidai keitō to kokinzokukijidai keitō no kyōzon ni tsuite [Kashkalebagsh Culture in Northern Sakhalin as Part of the Epi-Jomon Culture: On the Coexistence of the Stone Age and Paleometallic Age Systems in the Far East Island World in the 1st Millennium BC]. Transl. by Fukuda Masahiro. *Nipponrettō hokuheni ni okeru shinsekki/jōmonka no puresesu ni kansuru kōkogakuteki kenkyū: Yūbetsu-Ichikawa no kenkyū* [Archaeological Study on the Neolithization/Jomonization Process in the Northern Boundary Region of the Japanese Archipelago: Research of the Yubetsu-Ichikawa Site]. Kashiwa-Kitami: Department of Socio-Cultural Environmental Studies, Graduate School of Frontier Sciences & Tokoro Research Laboratory, Graduate School of Humanities and Sociology, University of Tokyo, 169—184.
- Sato Yukio 2003. "Esanshiki doki" "Esan bunka" no seiritsu ni kakawaru ichishiron [Essay on the Formation of "Esan Style Pottery" and "Esan Culture"]. *Ritsumeikandaigaku kōkogaku ronshū* [Ritsumeikan University Archaeological Journal]. № 3 (1), 367—382.
- Fukuda Masahiro 2015. Kanshinsei Nipponrettō hokuheni ni okeru ontasei teichakumin no kanreichi tekiōshi: Hokkaidō no jōmon bunka to "Saharin rūtō" [Cold-Region Adaptation History of Temperate Settlements in the Northern Part of the Holocene Japanese Archipelago: Jomon Culture in Hokkaido and "Sakhalin route"]. *Revisiting "The Sakhalin and Kuril Rout" as Prehistoric Cultural Corridors*. Sapporo: University Hokkaido, 3—33.